

ДЕТИ
ЛУНЫ,
ДЕТИ
СОЛНЦА

ЗАБЫТЬ ПРОШЛОЕ,
НЕ УБОЯТЬСЯ БУДУЩЕГО —
ТАКОВ ПУТЬ ВОИНА

ЯНИНА ВОЛКОВА

Янина Волкова
Дети луны, дети солнца
Серия «Young Adult.
Инстахит. Этническое
фэнтези. Дети богов», книга 1
Серия «Дети богов», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65803161
Дети луны, дети солнца: Эксмо; М.; 2021
ISBN 978-5-04-156058-4

Аннотация

В старинных легендах говорится, что раньше мир был другим. Им правили могущественные боги, а солнце и луна сменяли друг друга, являя миру день и ночь. Но все исчезло, обратилось в сказки, легенды и притчи. Нет больше богов, а солнце и луна застыли на небосводе, далекие и безучастные. Расколотый надвое мир привыкает к новым законам. Одни живут в тепле и вечном лете. В зимнем холоде и льдах обитают другие. Чтобы выжить, им придется объединиться. И однажды вновь задуют ветра и восстановится равновесие, если они, такие разные, поймут, как сильно похожи – дети луны и дети солнца.

Причины купить книгу:

1. Янина Волкова – молодая российская писательница, этнические романы которой вдохновлены скандинавским и славянским фольклором.

2. История об ужасной трагедии, которая разрывает крепкие семейные узы и превращает близких людей в кровных врагов.

3. Лыдые и извиленные фьорды, заснеженные и неприступные горы, безмолвные и стылые ночи становятся частью невероятных декораций, которые делают атмосферу северных широт осязаемой.

4. Погружение в быт раннего средневековья, когда викинги совершали разбойные набеги на соседние государства, а утраченную репутацию возвращала пролитая в бою кровь.

5. Самоотверженная любовь, которая вопреки условностям и суровой стихии обладает даже большей силой, чем та, что дарована могущественным богам.

Подробнее: <https://www.labyrinth.ru/books/809790/>

Автор иллюстрации на обложку – Марина Козинаки, писательница, художник, автор блога https://www.instagram.com/marina_kozinaki

Содержание

Пролог	8
Глава 1. Обещание	23
Глава 2. Великий Чертог	42
Глава 3. Перед испытанием	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Янина Волкова

Дети луны, дети солнца

© Волкова Я., 2021

© Оформление. Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Ночь безмолвна, и единственный звук, слышимый в ней, — тишина. Доносится издалека глухой стук падающего с еловых веток снега, редкие шаги таящихся в темноте лесных зверей. Оттого сложно отворить засов так, чтобы все поселение не сбежалось узнать, кто покинул теплый дом в такую лютую ночь. Выскальзывают из-под родных сводов три детские тени, скользят к дальней стене. Скрипит рыхлый снег под тяжелыми сапогами, обжигает мороз лица; спать бы сейчас подле тепла очага, только нет им покоя в своей колыбели. Зияющей звериной пастью манит темный проем, что слишком мал для врага, но сгодится для того, чтобы ребенок мог покинуть безопасные стены. В столь темный час оставляют

свой пост дозорные, полнятся думы их не покоем своей земли, а жаждой тепла. Некому теперь сберечь детей от беды, напомнить мудрость, что досталась от предков.

«Не ходи в лес один, коль хочешь жить».

Истинным вождем ощущает себя старший, перебрасывая сквозь проем лук свой и стрелы, перебираясь следом, и уже оттуда наблюдает, как повторяют его путь меньшие. Призывает их к тишине, грозя отдать троллям за непослушание. Сколь же доволен он, ощущая их покорность! Ведет за собой все дальше и дальше, и остается Чертог Зимы за их спинами.

Ноги Ренэйст по колено утопают в снегу. Силится идти по глубоким следам Хэльварда, переваливается неуклюже с бока на бок, облаченная в теплую шубу из волчьего меха. Падают на лицо светлые волосы, видеть мешают, и хнычет Ренэйст, продолжая тяжелый свой путь.

– Подождите меня!

Останавливаются идущие впереди Хэльвард и Витарр, оборачиваются. Видевший уже двенадцать зим Хэльвард возводит взгляд к небу, вопрошая Одина, за что он не позволил ему быть единственным сыном своего отца. Держит в руках лук, за спиной у него – колчан со стрелами, и, видят асы, как хороша была бы охота, останься брат с сестрой дома!

Не успевает Хэльвард ни слова сказать, как Витарр настигает сестру, с силой толкая ее в плечи.

– Замолчи, ты, троллье отродье! – восклицает он гневно. – Ты всю дичь распугаешь!

Падает Ренэйст в снег, взмахнув руками в попытке устоять на ногах. Наполняются слезами голубые глаза, но поднимается она, кидаясь на старшего брата с кулаками.

– Это ты троллье отродье!

Наблюдает Хэльвард за тем, как Витарр и Ренэйст катаются по снегу, колотят друг друга ожесточенно. Снег забивает им рты, но продолжают они скулить и подвывать, как самые настоящие волчата. Отчего не единственный он щенок в доме Волка? Закидывает Хэльвард лук на плечо, решая вмешаться. Ловит брыкающуюся сестру за воротник волчьей шкуры, поднимая на вытянутой руке. Уклоняется от ее удара, что метит ему в лицо, и ставит ногу на грудь разъяренного Витарра, вдавливая спиной в снег.

– Достаточно! – едва ли не рычит Хэльвард. – Либо возвращайтесь обратно в Чертог Зимы, либо ведите себя тихо! Ослушаетесь – скормлю вас волкам!

И толку, что волков давно уже не видно?

Сестра начинает хныкать. Круглое лицо краснеет, и ничего не остается ему, кроме как поставить ее на снег. Убирает ногу с груди младшего брата, становится на одно колено, сжимая ладонями плечи плачущей девочки, и смотрит в глаза. Поджимает губы она, отворачивается, не желая смотреть на обидчика, и улыбается Хэльвард, признавая в сестре гордость их рода.

– Ренэйст, – произносит он ласково, так, как только может, стирая грубыми пальцами слезы с ее щек. Замерзнут

они на морозе, стянут кожу, не кончится это ничем хорошим. Дурная девчонка, почему не сидится ей дома! – Не нужно плакать, слышишь? Знаешь же, Рена, нельзя нам здесь быть. Тебе хоть ведомо, зачем я пришел сюда?

В ответ качает она головой. Не знает, да все равно пошла, вот непутевая!

– Вепря хочу убить, принести его отцу. Доказать, что го-жусь для того, чтобы взять меня в набег. Почему бы вам с Витом не подождать меня здесь? Мы пойдем домой сразу же, как только я исполню задуманное. А чтобы убереечь тебя от страха, я дам тебе кое-что.

Тут же восклицает она, впившись в него гневным взглядом:

– Не боюсь я ничего!

Только вот дальнейший его поступок заставляет ее смиренно замолчать, прекращая спорить. Снимает Хэльвард с шеи своей амулет, перекидывает грубый шнурок через голову сестры. Падает тяжелый оберег ей на грудь, и Ренэйст тут же хватается его цепкими пальцами, поднимая на уровень глаз. Шлем Ужаса – так зовется он, и столь красиво блестит в лунном свете, что губы дочери конунга трогает легкая улыбка. Каждый луннорожденный получает свой амулет в возрасте десяти зим, и томительно ожидание собственного ритуала. Не расстаются дети Луны со своими амулетами, носят их и в бою, и в мире, но слишком мала Ренэйст, чтобы воспротивиться подобному дару со стороны брата.

– Ты знаешь, что означает этот оберег, Рена? Это Агисхьяльм. Призван он устрашать моих врагов, приносить победу в бою. Даю, чтобы тебя сохранил, пока меня нет рядом. Теперь не боишься?

Улыбается Ренэйст, головой качает. Не было в ней страха, да только чего теперь бояться, если так сильно брат ее защищает?

– Это нечестно! – восклицает Витарр, поднимается на ноги и отряхивается от снега, налипшего на мех его полушубка. – Я не должен нянчиться с девчонкой!

– Нет, Вит, – сурово произносит брат, выпрямляясь во весь рост. – Ты как раз и обязан.

Высок и крепок Хэльвард в двенадцать своих зим, каждый вождь мечтает о таком наследнике. Гордость отца, должен стать он не менее достойным конунгом, чем Ганнар Покоритель. Брат младше на четыре зимы, и вид тяжелых кулаков пугает Витарра, потому приходится ему подчиниться.

Но мало Хэльварду покорного взгляда. Как и все воины рода Волка, Витарр непокорен и своеволен, одними угрозами его не подчинить. Кладет ладонь на плечо брата и не просит – требует:

– Поклянись, что не отойдешь от Ренэйст ни на шаг.

Подлый поступок, но должен Хэльвард знать, что сестра будет под присмотром. Слишком юна она, чтобы за себя постоять, пусть и храбрится, стиснув пальцами его оберег. Насупившись, смотрит на него Витарр исподлобья и, отведя

взгляд, бурчит недовольно:

– Клянусь.

Несправедливо принуждать его к подобному, только поспоришь ли с будущим королем? Считает Хэльвард, что будет так лучше, раз не смог убедить их и вовсе остаться в доме. Гораздо спокойнее было бы ему, если б знал, что спят они, согретые мягкими мехами. Если заметят родители, что пропали их дети, то несдобровать Хэльварду, особенно когда ясно станет, куда держали они свой путь. Вернуться бы до того, как проснутся мать с отцом!

Уходит он в самую чащу леса, оставив брата и сестру одних под светом Луны. Ренэйст подбирается ближе к Витарру, пытается взять его за руку, но тот отталкивает девочку от себя. Злит его то, что Хэльвард, считая себя вправе командовать, оставляет на нем такую ношу, как младшая их сестра. Ведь Витарр и сам мог бы убить вепря, даже двух! Остается лишь представлять, что Рена и есть вепрь, а присмотр за ней – охота.

Эта мысль забавит его, заставляет усмехнуться.

Так глуп Хэльвард, решивший, что сможет справиться с вепрем один! Всегда хочется ему быть любимцем у отца, хоть и знает, что конунг и так гордится тем, каков его наследник. Все отцовское внимание забирает себе Хэльвард, оттого и растет Витарр грубым и завистливым. Считает, что сумеет доказать, что ничуть не хуже старшего, то столь же был бы любим Покорителем. А вот Рена любимица матери.

Как иначе? Дочь женщине всегда милее, пусть и говорят, что каждый ребенок любим одинаково.

Только неправда это. Вовсе не одинаково.

Внимание его привлекает блеск меж деревьев, и дурное расположение духа тут же исчезает. Любопытство верх над ним берет, подчиняется жажде знаний. Никогда еще Витарр не заходил так далеко в лес, но понимает, где находятся они сейчас. Мать рассказывала как-то историю о сокровище, хранящемся в самой чаще, у берегов озера, где приносятся клятвы, кои нельзя нарушать, ибо Вар, богиня истины, жестоко покарает того, кто нарушил свое слово.

Витарр знает – это лишь сказки, ведь каждому ведомо, что боги давно покинули их.

– Идем, – говорит он, все же сжав руку сестры в своей ладони.

Идти приходится медленно. Девочка не может шагать достаточно быстро, чтобы поспевать за ним, и еще больше злится Витарр. Хватается Ренэйст за руку его, как за веревку, спотыкаясь и увязая в снегу, и не скоро удастся им добраться до места, что так влечет к себе Витарра. Может, не так хорош он в воинском ремесле, как старший брат, но тяга к знаниям в нем столь велика, что легко затмевает это.

Озеро покрыто льдом, и поверхность его выглядит, как самое настоящее зеркало. Говорят, что именно через эти воды наблюдает Вар за людьми, давшими обет. Одним из святейших мест является озеро у их народа. Во время заключе-

ния брачного союза омывают лица и руки будущим супругам этой водой, выпивают ее во время заключения мира или важного договора.

Приходить маленьким детям к его берегам в зените ночи – величайшая глупость.

Впервые своими глазами видит Витарр озеро, и приковывает оно к себе его взгляд, очаровывает. Зрелище это останется в памяти Ренэйст прекрасным и болезненным воспоминанием, и она не забудет его даже тогда, когда станет взрослой женщиной. Сжимает девочка в ладони пальцы брата, пока ведет он ее к самой кромке воды, шагает послушно, вглядываясь в сверкающую поверхность. От зрелища этого холод проходится по костям, лижет, как покорный пес, и Рена сильнее жметя к боку Витарра.

– Когда мы пойдем домой?

Молчит Витарр, безучастно смотрит на поверхность озера. Всхлипывает она, испуганно оглядываясь по сторонам, ищет взглядом старшего брата. Кажется ей, словно кружат вокруг мрачные тени, сходятся кольцом, и нет никого, кто мог бы их защитить. Хочется заплакать, страх душит когтистыми лапами, и в тот миг, когда всхлип готов сорваться с искусанных губ, Витарр поворачивает голову и спрашивает тихо:

– Сможешь ступить на лед?

Говорит в нем мальчишеская жажда показать себя, глупая храбрость и что-то темное. Ведомо детям Луны, как опасно

ступать на лед, даже взрослые воины обходят его стороной, что уж говорить о маленькой девочке? Качает Ренэйст головой, да с такой силой, что хлещут по щекам светлые пряди волос. Отступает назад, тянет Витарра за собой, но тот вырывает руку из ее хватки, воскликнув:

– Трусиха! Тоже мне, воин!

Поправив свою шубу, оглядывается он по сторонам, словно проверяет, не следят ли за ним, затаившись среди стволов мертвых деревьев. Вдыхает морозный воздух, закрывает глаза и делает первый шаг. Лед трещит, но не ломается, и, воодушевленный успехом, продолжает он свой путь. Мечется на берегу сестра, просит вернуться назад, но Витарр не смотрит на нее, не желает слышать. Зеркальная поверхность под ногами приковывает его внимание, словно околдованный, шагает Витарр вперед, оказываясь в самом центре покрытого льдом озера.

Покидает его очарование, навеянное блеском лунного света, словно ото сна просыпается. Страх липкими руками обхватывает сердце, стоит первой трещине скользнуть по льду стремительно, словно стрела. Расходятся они причудливым кружевом, разносятся мелодией костного хруста, и ловушка захлопывается, оставаясь горьким привкусом на его языке.

Глупость совершил он, самой смерти руку протянул, и сквозь зеркало гневно смотрят на него пустые глазницы мертвой богини. Дал слово не покидать сестру, быть подле

нее, перед самым святилищем произнес он свой обет, а теперь нарушает его.

Он поклялся не отходить от нее ни на шаг, а сам бросил на берегу.

Стоит в самом центре озера, медленно поднимает взгляд и оборачивается, не дыша. Смотрит Витарр на испуганную свою сестру, что мечется трусливым зайцем у самого берега, и проводит языком по сухим губам. Не дадут ему уйти, остановят, поэтому иначе следует действовать.

– Рен, иди ко мне, – шепчет он, и имя сестры сильнее разбивает лед под ногами. Судорожно выдыхает, смотрит на то, как трещины касаются самых дальних сторон Зеркала, и скидывает взгляд на девочку, стоящую на берегу. – Рена, пожалуйста!..

Ренэйст всхлипывает, качает головой и делает шаг назад, едва ли не падая в снег. Задерживает Витарр дыхание, наблюдая за ней, и опускает взгляд вниз, где под ногами крошится лед. Вар карает его за то, что не сдержал клятву, данную брату, и за это ожидает расплата, жестокая и холодная, если немедленно не вернется к сестре. Но Ренэйст далеко, а лед коварно тонок; ему не спастись. Видит, как качает дыхание Рен пряди, похожие на лунный свет, что падает ей на лицо, и проклиняет Хэльварда за то, что вынудил поклясться.

Покрывает паутина трещин все озеро, и понимает Витарр, что нет у него иного выбора. Молит богов о своем спасении, бежит вперед, но боги детей Луны жестоки и прощают не все.

И пары шагов не успеваает он сделать, когда рушится коварный покров. Разрывает тишину спящего леса детский крик, когда лед расходится под ногами сына конунга, и тяжелые осколки смыкаются над его головой.

В ужасе оглядывается Ренэйст по сторонам, давится слезами. Никак не может спасти брата, попавшего в ледяную ловушку, мечется на берегу, крича и плача. Никогда не звала она до этой минуты богов, чтобы те обратили на нее свой взор, не молила о помощи, оттого и не знает – они не услышат. Уши их полнятся кровью, древней и черной, рты защиты красными нитками, а пустые глазницы глядят в темноту, куда им всем проложена дорога.

Срывается с губ ее испуганный вскрик, стоит чему-то тяжелому глухо упасть в снег подле самых ног, и не сразу признает она в этом предмете лук старшего брата. Хэльвард прыгает по особо большим льдинам с ловкостью оленя, роняет стрелы из колчана, а Ренэйст стоит на берегу, с трудом удерживая в руках его лук, который подняла из снега. Замирает Хэль на мгновение, добравшись до середины озера, стараясь сохранить равновесие, смотрит в темную его пучину – а затем прыгает, исчезая в ледяной воде.

Погружается лес в тишину, засыпает вновь, и покой его нарушают лишь всхлипы маленькой девочки. Прижимается она к древку лука мокрой щекой, не сводит затуманенного взгляда с поверхности озера, плача по двум своим братьям. Как могли они оставить ее одну? Как вернется она домой? И,

главное, что же скажет Ренэйст отцу, когда захочет конунг узнать, где же его сыновья?

Не может она вернуться, ведь просил Хэльвард не рассказывать, что ходили они в лес, а другого ответа у нее для отца нет.

Кажется ей, что проходит вечность до той поры, когда доносится из чащи свист и ржание коней. Слышит она топот копыт, людские крики, и вскидывает Ренэйст голову, смотря на приближающихся к ней всадников. Как узнали они, куда держали путь беглецы? Будь она старше, то непременно бы задала отцу этот вопрос, но сейчас не имеет это никакого значения.

Ганнар Покоритель спешивается, и Ренэйст, прижимая лук к себе, бежит к отцу. Преклоняет мужчина колено, заключая ребенка в объятия, и, подхватив свое дитя на руки, целует ее в висок. Заходится Ренэйст еще более горьким плачем, жметя к отцу, пока сжимает он девочку в медвежьих своих объятиях.

– Хвала Глин, ты цела. Но где мальчики, Рена? – спрашивает он встревоженно, вглядываясь в лицо дочери единственным своим глазом. – Где твои братья?

Сердце конунга покрывается льдом, стоит Ренэйст указать на озеро. Покачивается сломанный лед на его поверхности, и больше не нужно слов. Вручает он дочь одному из своих спутников, вбегает в ледяные воды озера по щиколотку, вглядывается в его поверхность – но ничего не видит. Ни

следа на огромных осколках льда; лишь темные линии разбросанных стрел.

– ХЭЛЬВАРД! – зовет он, сложив ладони ковшом у своих губ. – ВИТАРР!

Никто не отвечает ему. Все так же тих лес, лишь голоса луннорожденных, что прибыли сюда с ним, вторят ему, называют имена его сыновей, нарушают звенящую тишину.

Горе для отца потерять обоих своих сыновей; отказывается верить в их гибель Ганнар.

Какой родитель поверить захочет в то, что не стало его ребенка? Не должны родители жить дольше, чем дети, и ждет конунг, что сейчас выбегут к нему сыновья, просить прощения будут за свой глупый побег и за то, что бросили сестру одну, а он отругает их, уводя домой, в безопасность. Но жесток мир, в коем живут они, и нет в нем места безрассудству. Жестоко карают тех, кто не бережет себя – мудрость эту Ганнар познал сам, лишившись глаза.

– Там! – восклицает один из воинов, указывая в сторону Зеркала Вар.

Лед в центре озера дрожит, волнуется вода, и на одну из льдин падает грудью Витарр. Плюется водой, окоченевший, не в силах пошевелиться он – настолько испуган, – и находящийся в воде Хэльвард с трудом толкает его, вынуждая взобраться на лед всем телом. Крича, Ганнар и несколько его воинов спешат оказаться рядом как можно скорее, только покидают Хэльварда, посиневшего от холодной воды, силы. Тя-

нет он к брату дрожащую руку, шепчет потрескавшимися губами:

– Вит... помоги мне...

Смотрит в пустоту Витарр полными ужаса глазами, сипло дышит ртом, сжавшись в комочек на холодном льду, не в силах пошевелиться. Бьет его озноб, шерсть меховой шубы покрыта крошечными сосульками, как и пряди коротких темных волос. Не сразу переводит взгляд на старшего брата, молящего о помощи, и с трудом размыкает кровоточащие губы, чувствуя, как сходят с них куски замерзшей кожи.

– Х... ххх...

Вместо имени брата из горла его вырываются лишь стоны и хрипы. Слабо шевелит пальцами, силится протянуть руку навстречу чужой руке, да толку от озябших, негнущихся кусков плоти нет. Голова мальчика дергается к Хэльварду, словно готов зубами затащить его к себе, да только закрываются карие глаза, и опадает Витарр на лед, застыв без движения. Хэльвард борется, кидает полный мольбы взгляд на отца, но силы покидают его, и юноша медленно соскальзывает в воду, скрываясь в ледяной глубине, так и не дождавшись помощи.

Полный боли крик конунга заставляет Ренэйст вздрогнуть. Прижимая к груди лук брата, не подозревает даже, какая ответственность отныне тяготит ее плечи.

Каждая история начинается с малой крови.

Троих детей подарила жена Ганнару-конунгу, но лишь

двое из них встретили свою пятнадцатую зиму. Гибель Хэльварда сломила его, отказаться заставила от оставшегося сына, и надежды свои возложил конунг на дочь.

Семена гнева глубоко проросли в сердце Витарра и обещали взойти.

Глава 1. Обещание

Зима сурова – истину эту твердят еще с давних времен, когда Солнце восходило над их землей. Что говорить о тех зимах, что лютуют в вечной ночи? Нет больше среди лунно-рожденных помнящих то, как над Чертогом Зимы сиял золотой диск Солнца. Эти истории отныне кажутся лишь глупой сказкой, которой впору кормить щенков подле очага. Рожденные в бессменной тьме, не могут представить они смену дня и ночи, как и собственный дом, утопающий в зелени и ласковых лучах, дарящих тепло. Мир, в котором они рождены, суров и холоден, но воистину сильны те, кому в нем удастся выжить.

Ренэйст быстра; пот бежит с нее, как с загнанной лошади.

Пар срывается с обветренных губ, а сама она так и пышет жаром. Дергает головой, откидывает косы назад, щурит глаза, глядя на своего соперника. Дышит он так же тяжело, и кривит губы в усмешке; знает, что силы покидают конунгову дочь. Много ли нужно, чтобы одолеть ее, смотрящую на него глазами голубыми, как воды ледниковых озер, что скрываются у самых верхушек гор?

Белолунная не любит, когда ее сравнивают с водой. Вся она – живое пламя, дикая и необузданная.

– Давай! – ревет Хакон, ударив обухом топора по щиту. – Нападай!

Ренэйст сдувает с лица тонкую прядь волос, и снег скрипит под сапогами, когда она переносит вес с одной ноги на другую. Хакон прекрасный учитель, но требовательный. Не щадит он ее, не жалеет, лишь бóльшего требует, пробуждает в ней азарт. Из своих двадцати двух увиденных зим десять провел он на боевом корабле, и оставило это след на суровом сердце.

Но знает Ренэйст, на что еще способно это сердце.

Волосы взмывают вверх, стоит ей сделать рывок. Оружие в руках мужчины поет, секира звенит, сталкиваясь с мечом, что танцует, ведомый рукой хозяйки, покорный, как пес, не желая уступать. Они танцуют, оставляют хитрое сплетение следов на снегу, прячут головы за щитами и удобнее перехватывают оружие, не сводя друг с друга внимательных взглядов. Хакон не поддается своей воспитаннице, не дает об-

думать следующий шаг. Пресекает мысли, что каждый враг будет жалеть ее, ссылаясь на юный возраст и тонкий стан. Желает сражаться – пусть привыкает к жестокости. Наносит один удар за другим, да не в полную силу, чтобы не нанести дочери конунга тяжких увечий. Тонкой кажется она, словно сотканной из льда, и слишком любима она им, чтобы посмел оставить шрамы на девичьей коже.

С легкостью отводит Хакон в сторону лезвие ее меча. Рука у Ренэйст легкая, такой ладно пускать стрелы, для меча же она не годится. Пристало в набеге завоевывать себе славу мечом, да и должна она знать, как отвести от себя беду, чтобы сердце его слабее сжималось от страха за ее жизнь. На роду написано женщинам иное – ждать дома, ткать рубахи и печь пироги, пока мужа их льют кровь и пируют на останках врагов. Не так страшна смерть, когда в безопасности милая, и на сердце груза нет, пока валькирия на лебединых крыльях несет тебя в палаты павших.

Только избранница его другой дорогой идет.

Неуклюже взмахивает Ренэйст руками, поскользнувшись на тонкой корочке льда, сокрытой за снегом. Само движется тело, натренированное тому, как надлежит поступать с врагами. Не успевает осознать, как бьет с силой открытую для удара женщину своим щитом, слыша знакомый хруст.

Падает дочь конунга на спину, выронив оружие, и глухо стонет, зажав ладонью нос. Смотрит на него льдистым взглядом, скалит зубы, а в уголках глаз блестят невольные слезы.

Бросив секиру и щит на снег, Хакон склоняется над луннорожденной и, схватив за плечи, рывком ставит на ноги, отряхивая от снега. Дергается горячка, вырваться старается, но он не позволяет.

– Покажи мне.

Удар пришелся прямо в лицо, да и вышел сильным; даже кровь носом пошла. Ворчит Ренэйст, стирает алые разводы, пачкая рукава. Злится на свою невнимательность и его крепкую руку. Эти самые руки, покрытые грубыми мозолями, отголосками долгой работы и сражений, обхватывают ее щеки, заставляя слегка поднять голову.

Хакон слизывает кровь с девичьего подбородка, зализывает раны, подобно дикому зверю. Хмурится, пытаюсь увернуться от этих прикосновений, но вскоре сдаюсь, принимая своеобразную ласку. Не пристало им миловаться, пока свадьба не сыграна, только как устоять? Хороша Ренэйст, да не только за это полюбил он ее. Упрямства, гордости и чести в ней столько, что на нескольких юношей одной с ней зимы хватит. В Чертоге Зимы есть женщины куда красивее, чем дочь конунга, ласковые и покладистые, только ни на одну смотреть Хакон не хочет.

Проводит луннорожденный тыльной стороной ладони по холодной от мороза девичьей щеке, хмурит брови. Запускает Рен пальцы в густой медвежий мех, из которого сделал он себе полушубок, и приподнимает уголки губ в улыбке, стоит Хакону отстраниться. Поднимает руку, проводит пальцами

по шраму на его скуле, что получил он в набеге прошлой зимой, и подается ближе, целуя в колючий от густой бороды подбородок.

Сложно судить, как давно она была, прошлая зима. Ночь не идет на покой, отказывается сменить ледяную владычицу, лишает возможности прокрутить колесо до конца. Даже ветер боги забрали себе, и никто из живущих не знает, сколько веков тяготеет над ними проклятье. Ждут люди возвращения своих богов, но каждый знает истину, о которой не говорят.

Мертвы боги. Некому возвращаться.

– Хватит на сегодня тренировок, – усмехается Хакон, отстраняясь от нее.

Северянка хмурит брови, но делает шаг назад, выпуская мужчину из своих рук. Нос у нее красный и опухший от удара, и, зачерпнув ладонью немного снега, прижимает Хакон его к ее лицу. Фырчит Ренэйст, качает головой, пытаясь увернуться.

– Стой смирно, – недовольно фырчит мужчина, когда она вновь пытается ускользнуть от его руки. – Твоя матушка не обрадуется, увидев клюкву у тебя вместо носа. Не похвалят меня за это.

– Поделом тебе, зверюга! – с обидой отвечает она, сверкая недобро глазами.

Выскальзывает Белолунная из его рук, стряхивает с лица прилипший к коже мокрый снег, розоватый от крови. Ха-

кон усмехается в черную бороду, довольный собой, встречает прямо недовольный взгляд возлюбленной. Кинется на него с кулаками – окажется в сугробе. Ее светлая макушка ему едва ли до плеча достает, не ей с ним тягаться.

– Поспешила бы, – отзывается воин, поднимая свою секиру. Луннорожденный проводит большим пальцем по лезвию, проверяя, хорошо ли заточено. – Ганнар-конунг стяги созвал, гости сегодня прибыть должны.

Смотрит она на носки своих сапог, хмурится. Хочет конунг взять с собой дочь в этот набег, и мысль о долгом плаванье волнует и тяготит. Не смогла Ренэйст полюбить море после того, как воды озера сомкнулись над головой Хэльварда. Двенадцать зим прошло, а все чудится ей лицо брата и страх душит. Но манят чужие земли, моряки с детства кормят волчат байками о том, что над теми берегами сияет Солнце. Как тут не пожелать покинуть родные места?

– Уж больно ты спокоен, – говорит она, – не боишься, что свататься ко мне будут?

– А чего мне бояться? – пожимает плечами Хакон. – Любого что на кулаках, что на мечях одолею. А если конунг не позволит, то взвалю тебя на плечо – и увезу.

– Куда же ты меня повезешь?

– Домой.

Ответить ей нечего, на том и расходятся. Она не оглядывается, но знает, что и он не смотрит ей в спину.

На ходу прячет она руки в теплые рукавицы, отделанные изнутри овечьей шерстью, и направляется в сторону дома. Спешит оказаться подле теплого очага, согреться, а после встречать гостей, прибывших в Чертог Зимы со всех краев их земель. Жилище конунга находится позади Великого Чертога – дома, в котором проходят все важнейшие собрания, – расположенное ближе к лесу, отгороженному стеной. Проходя вдоль нее, останавливается Ренэйст, поворачивает голову, зубами прихватив нижнюю губу. Взгляд сам ищет, да не находит.

Злосчастную прореху заделали двенадцать зим назад.

Отгоняет от себя темные, тяжелые мысли и поднимает взгляд к небу. После гибели богов снегопад – редкое явление. Нет больше ветров, несущих по небу темные корабли, полные белой смерти. Не часто достигают тучи этих берегов, а если случится такое, то медленно падает снег, накрывая жилища луннорожденных колючим одеялом. Говорят, в былые времена ветер играл со снегом, как кошка с мышью, бросал снежинки из стороны в сторону, превращая снегопады в настоящие метели. Худо приходилось тому, кто оказался в пути во время бурана, но ей остается лишь представлять, каково это.

Продолжает Ренэйст свой путь, слышит, как хрустит снег под ногами, и смотрит на то, как облачка пара, что выдыхает носом, поднимаются вверх, превращая ее в крылатого змея из детских сказок. Коротко улыбнуться заставляет эта

мысль, словно бы в один миг стала дочь вождя ребенком, но не стоит забывать о том, кем она является сейчас.

Над крышей виднеется струйка дыма, уносящаяся ввысь. Со стороны дом напоминает сугроб, в коем заметна дверь из темного дерева, и прежде, чем войти, стучит Ренэйст сапогами друг об друга, стряхивая с каблуков налипший на них снег. Внутри тепло, и воздух такой плотный, что глаза слезятся. Йорунн, свою мать, видит северянка подле огня. Настолько увлечена она своей работой, что не замечает возвращения дочери. Снимая с себя полушубок из волчьей шерсти, Ренэйст любит ее, видит, как порхают над гобеленом тонкие пальцы, накладывают новые ровные стежки на полотно. Лежат на ее плечах тяжелые светлые косы, перехваченные на лбу золотым обручем, а в свете очага заметны глубокие тени, что пролегли под ее глазами. Много зим назад большой мунд заплатил Ганнар-конунг, чтобы красавица принадлежала ему, а теперь вынужден видеть лишь тень былой любви.

Смерть Хэльварда подкосила ее больше, чем мужа. Долго лила она горькие слезы, умоляя сохранить ей Витарра, не отправлять сына воспитываться на островах, с глаз конунга долой. Ганнар не желал видеть его, винил в том, что случилось в ту ночь, а Йорунн не могла пережить потери еще одного сына.

В ту ночь любовь к супруге угасла в нем.

Чуть поодаль от очага видит она Сварога. Еще мальчишкой привез его из набега ее дед, Леннеконунг, да так и про-

жил солнцержожденный среди них всю свою жизнь. Руки его работают с тканью, да только не с гобеленом, а огромным полосатым парусом, бóльшая часть которого лежит у него в ногах. Нет от паруса смысла, ведь и ветров больше нет, чтобы вдыхать в него жизнь, оттого хранят его как дань прошлому.

Многое, что осталось в их мире – лишь дань. Только вот никто не смеет задать вопрос о том, кому же она предназначена.

Старик замечает ее первым. Поднимает на Рен взгляд выцветших глаз, кривит губы в усмешке, обнажая редкие зубы. Перестает шить, складывает руки на парусе да говорит так громко, что кюне пора заметить, что не одни они больше в конунговом доме.

– Хорош у тебя нос, красавица.

Ренэйст цокает на него языком. Сварог возвращается к своему ремеслу, покачав головой. Закидывает в рот сухой хлеб, смоченный в молоке, и продолжает шить, напевая что-то на своем языке. Многие рабы, привезенные сюда, знают язык луннорожденных, да только и свой забывать не хотят. Словно бы это что-то изменит, словно бы что-то вернет.

Йорунн наконец замечает свою дочь. Бескровные губы ее трогают улыбка, а в потухших глазах мимолетно вспыхивает живой огонек. Тянет к Ренэйст узкую ладонь, и шагает луннорожденная к матери, позволив той увлечь себя на скамью. Бедром она прищемляет юбку материнского платья, но кюна даже и не обращает на это внимания. Опускает Рена голову,

прячет от Йорунн свое лицо; тревожиться будет мать, винить Хакона, если увидит.

– Ох, бедняжка! – восклицает она, сжимая пальцы дочери в ладони. – Совсем околела!

– Не околела.

Двигает она гобелен, что едва не падает на пол, и кладет голову на материнские колени. Заботливые руки начинают гладить светлые волосы, и, окутанная ее теплом, Рен закрывает глаза. Тяжко ей видеть мать такой подавленной, только не зацветет она больше, не порадуется. Белолунная знает, что и сейчас ее глазам вернулась прежняя печаль. Лицо кюны полнится грустью, а единственное, что может вернуть ей радость, покоится на дне Зеркала Вар.

Мечтает она, что вот-вот заскрипит снаружи снег, откроется дверь и войдет в жаркий дом Хэльвард, и будет он в самом зените двадцать четвертой своей зимы. Только не быть этому. Не открыть ему двери, не войти в дом. Лежит ее брат в холодной воде, да там и останется.

– Ну-ка, – велит Йорунн, – вставай. Садись у огня, обогрейся. Не пристало дочери конунга ходить, подобно льдине. Руна! Принеси питья горячего!

Опускается Ренэйст на пол и вытягивает ноги к огню, радуясь, что матушка так и не заметила все еще красный полсле удара нос. Улавливает движение в одном из углов дома, устремляет взгляд в ту сторону, удивляясь тому, как сразу не заметила. С лавки встает девушка, примерно одной с ней

зимы, откладывает в сторону свое рукоделие. Проходит мимо, опустив низко голову и положив ладони на живот.

Руна носит в чреве дитя Ганнара Покорителя.

Не может она понять, как мать мирится с этим. Старается, но не может. Конечно, среди луннорожденных мужчин обычным делом считается зачать ребенка от рабыни или наложницы, а после принять его в род, особенно если рождается мальчик, только сама Белолунная ни за что не простит подобного унижения. Оттого таит она обиду на отца, смотрит зло на Руну, да и на мать, что терпит подобное, злится.

Йорунн молчит. Садится на лавке позади дочери, кладет на колени костяной гребень и начинает расплетать косы. В волосах Ренэйст много бус – серебряных, деревянных и сделанных из костей. Их кюна складывает рядом, чтобы позже вплести в новую прическу. Вот струятся по спине длинные волосы, белые, словно молоко, скользит сквозь пряди гребень, заставляя серебром переливаться в свете очага. Тихо мурлычет что-то Йорунн, трещит огонь, хрустит сухарями старый Сварог, шуршит юбкой подходящая ближе Руна. Останавливается она по другую сторону, держит в руках ковш с питьем, который вешает на крюк, закрепленный над пламенем, и помешивает его содержимое деревянной ложкой. Стоит, не поднимая взгляда, а дочь конунга вглядывается в ее лицо, хмурия брови.

– Где Витарр?

Гребень замирает лишь на мгновение, но Ренэйст успева-

ет почувствовать, как дрогнули руки матери.

Разговоры о Витарре никогда не начинаются при конунге, не желающем слышать даже его имя. Но Покорителя здесь нет, потому Рен может не бояться его гнева. Мать молчит, только вновь скользит гребень сквозь ее волосы. Не торопит ее Ренэйст, ждет, когда сама заговорит.

– Не знаю, волчонок, где бродит твой брат. – Слова эти звучат с горечью, от которой на душе тоскливо становится. – Ушел раньше, чем я глаза открыла.

Витарру позволено жить в доме конунга, только сам он, став старше, спешит уйти как можно раньше и вернуться как можно позже. Знает, что не рады ему здесь, и ни материнская любовь, ни поддержка сестры не делают для него теплее домашний очаг. Один взгляд конунга, полный презрения – и Витарр вспоминает, где отныне его место. Правда кроется в том, что нигде ему нет места. Должно быть, даже на порог Великого Чертога не пустят его по прибытии гостей. Ренэйст знает – брат жалеет о том, что не позволила мать сослать его на Три Сестры, где царствует Искердял. Быть может, жизнь на островах, вдали от родного Чертога Зимы, была бы легче.

Косы ложатся ровно, и тихо стучат в них друг об друга бусины, неразлучные ее спутницы. Каждая – память, прикосновение родных рук, сокровище, ведущее в детство, и милее они ей, чем драгоценные обручи и тяжелые самоцветы. Одну, вырезанную из дерева дрожащей рукой, преподнес в ночь рождения сестры в качестве дара Хэльвард, другую привез

из набега Хакон, вручая вместе со своим сердцем. У каждой своя история, у каждой свое место в тонком полотне волос. Но Йорунн этого мало, она венчает голову дочери серебряным обручем, украшенным лунными камнями, слезами небесного светила. Любимое украшение, один из первых даров супруга отдает кюна сейчас своей дочери, улыбаясь ей тоскливо и нежно.

Истинная дочь Луны сидит подле очага, позволяет плести себе косы, как нити судьбы, что прядут вечные норны.

Руна переливает дымящийся напиток в деревянную кружку и подает ей. Тепло обжигает пальцы, а следом – язык, стоит Ренэйст сделать первый глоток. Мед сладок и греет нутро, прогоняет все печали и страхи. Проходится языком по губам, собирая пряную сладость, и поворачивает голову, проводив взглядом вновь скрывшуюся в своем углу Руну. Она берет в руки рукоделие, окунается в него с головой, но видит Ренэйст, как напряжены ее плечи. Чувствует на себе взгляд дочери конунга, и дрожат ее пальцы, сжимающие иглу.

Как бы чувствовала себя Рен, окажись она на ее месте? Лицом к лицу с женщиной, от супруга которой она ждет ребенка, живя в доме, в котором живут их дети, что одной с ней зимы. Как только могла Руна допустить для себя подобное унижение?

– Вот так, – ласково говорит Йорунн, накрыв плечи дочери ладонями, вырывая ее из омута размышлений, – осталось лишь приодеть тебя.

Встает она, заставляя дочь прижаться спиной к скамье, а не к собственным коленям, и Ренэйст смотрит на нее насто-роженно. Наверняка хочет мать нарядить ее в платье, напо-мнить, как должно выглядеть женщине, только вот удивляет кюна. Бережно достает Йорунн из сундука синюю рубаху, украшенную на вороте и рукавах серебряной вышивкой, рас-сматривает со всех сторон, проверяя, нет ли дыр и пятен, а после протягивает владелице. Теряется Ренэйст, с благодар-ностью принимает подобный дар. Дорогую стоит такая ру-баха; приятна ткань, красива вышивка. Достоинно будет вы-глядеть Ренэйст подле гостей, прибывших в Чертог Зимы.

Тянет руки, обнимая кюну, касается нежно губами ее ще-ки.

– Спасибо.

Мать ничего не говорит. Лишь обнимает покрепче, и объ-ятия ее, как и в детстве, дарят покой.

От дома конунга до Великого Чертога не больше двух со-тен шагов, но Ренэйст держит свой путь в другую сторону. Идет в порт, чтобы понаблюдать за тем, как в гавань Чертога Зимы входят корабли. Не будет среди них тех, чьи знамена не сможет она узнать, но прибытие иного рода всегда значи-мое событие.

Когда в родной порт прибывает чужой корабль, матери на-ряжают дочерей в лучшие наряды и отправляют на пристань, встречать гостей. Коль мила окажется мореходу, то запла-

тит тот мунд – и увезет с собой, на чужой берег, хозяйкой в свой дом. Каждая луннорожденная стремится выйти замуж за мужчину из другого рода. Так она приносит в семью новую кровь, спасая ее от «застоявшейся», которая течет в жилах тех детей, чьи родители приходятся друг другу родственниками, хоть и дальними. Слабы такие дети. Плохие воины из них вырастают, плохие роженицы, и умирает такой род, тает, как лед над огнем.

Уже виднеется впереди холодный блеск воды в свете Луны, а на ней корабли, освещенные сотней факелов. Замечает Ренэйст, как чуть поодаль к пристани бегут дети, соревнуясь с кораблями, стремясь добежать быстрее, чем те успеют причалить, и улыбается – узнает в них себя.

Отец наверняка сейчас уже там, приветствует прибывших воинов. Ренэйст будет подле него, ждать, когда те, кого так жаждала увидеть, сойдут со своих кораблей. Много времени прошло с последней их встречи, оттого и кажется ожидание невыносимым. Сегодня соберутся они за одним столом, выпьют пряного эля и поговорят обо всем, что произошло и что ожидает.

– Рен!

Остановливается, оглядываясь по сторонам в поисках того, кто позвал ее, и лишь когда темная фигура выходит из тени под свет факелов, понимает, кто перед ней. Брат машет рукой, манит к себе.

Подойди, сестрица, ближе. Разве должна ты бояться ме-

ня?

Белолунная вновь смотрит на виднеющуюся впереди пристань, на корабли, что сквозь льды пробиваются к берегу, и уже настолько близки, что даже можно разглядеть их знамена. Вот алеет на черной ткани зловещее Солнце, лучи-ножи которого простираются во все стороны – плывет ярл Трех Сестер, и ни один драккар не желает ее обогнать.

Ренэйст хочет быть там. Хочет видеть луннорожденных, с коими предстоит ей отправиться в первое плаванье, но кровные узы сильнее, и ноги ведут к брату.

Витарр кутается в соболиный мех, прячет руки и смотрит на нее сквозь кудри непокорных темных волос. Смотрит исподлобья, жмет губы и оглядывается по сторонам воровато, словно бы ждет чего-то недоброго. Идет она к нему настороженно, с опаской; брат братом, но одичал он с роковой той зимы. Злым стал, нелюдимым, только не берется Ренэйст его судить.

– Мать волнуется, – говорит она, – тревожишь ты ее своими молчаливыми уходами.

– Не касается ее, куда держу я свой путь, – одергивает он, – и не для того я позвал тебя, чтобы получить неодобрение от ребенка.

Предчувствие беды змеиной чешуей скользит по ее спине, и дергает Белолунная плечами, силясь сбросить с себя его. Насколько тревожно ей, что не дерзит в ответ на то, что продолжает Витарр считать ее ребенком. Двенадцать зим почти

не говорят они друг с другом, взглядом ласковым не вознаградят, а здесь он сам ищет встречи. Знает ведь, что пойдет сестра на пристань, оттого и ждет здесь. Не знает Ренэйст, что от него ожидать, и оттого ей тревожно.

– Если нужно тебе что-то, так говори. Нет у меня времени на твои тайны.

Хмурит Витарр густые брови, отводит взгляд. Весь он – тьма, и не проникает в сердце его свет Луны. Найдись дева, что пожелает смягчить его сердце – погибнет, отдав себя пустоте. Не по своей воле стал он таким, только кто станет спрашивать? Сам не рад подобной судьбе, потому и обращается к сестре, ведь сейчас только так можно хоть что-то исправить.

– Отказался отец взять меня в этот набег, – с горечью говорит, но после сжимает ладонями плечи сестры, смотря на нее с решимостью, – потому прошу твоей помощи, Рен. Помоги мне попасть на корабль.

В одно мгновение становится ей холодно настолько, словно вечная эта зима пробралась в самое ее нутро. Вжимает голову в плечи, кладет ладони на руки брата, силясь убрать, и говорит тихо, словно испуганно:

– Ты хочешь, чтобы ослушалась я воли отца?

Нет для ребенка преступления страшнее, чем пойти наперекор родительскому слову. В возрасте шести зим Ренэйст прочувствовала жестокий урок, что был дан им за непослушание, и нет у нее желания своевольничать. Можно попро-

свить отца изменить свое решение, только Ганнар-конунг и слышать о Витарре не желает. Заговорит дочь о нем, так сразу же и велит убираться подальше. В то же время понятно ей желание брата; какой воин не желает отправиться в набег? Сама она только и мыслит об этом, и места не находит в своем желании показать себя.

– Тебе он не запрещал меня брать, – продолжает уговаривать Витарр. – А если обман раскроется, так я скажу, что солгал тебе. Мол, сказал, что позволил отец взойти на драккар. Мне не привыкать быть у конунга в немилости, Рен, не боюсь я его гнева, только нужен мне этот набег! Быть может, смогу я изменить свою судьбу, вернуть себе то, чего лишен. Должен я доказать, на что способен, заставить отца гордиться мной. Нет мне жизни с проклятой той ночи, Ренэйст, в каждом своем сне вижу ненавистное озеро. Умру – и вновь окажусь у его берегов, если так все оставлю.

Слова его горечью отдаются в ее сердце. Смотрит на него и видит отчаяние, охватившее темную душу. Оба они виноваты в том, что произошло, а в большей мере и вовсе виновен старший их брат, что привел меньших в спящий мертвым сном лес. Правда кроется в том, что никто не хочет винить мертвеца. Куда проще обвинить во всем того, кто остался в живых, на ком злобу свою можно выместить.

Может ли она отказать ему? Быть может, увидев, на что способен Витарр, конунг простит его? Доброе у отца сердце, Ренэйст знает, только не все доброты той достойны.

– Не нравится мне то, о чем ты просишь, но, быть может, смогу я тебе помочь.

Не отвечает Витарр, только кивает, смотря на нее внимательно. Словно бы ждет, что даст она ему свое слово, только не дает Белолунная обещаний и клятв, что вряд ли сможет исполнить. Сам Витарр преподавал ей жестокий этот урок, потому отворачивается она от него, продолжая путь в сторону пристани.

Брат не окликает ее. Ренэйст чувствует его взгляд между своих лопаток, холодный и колкий, как лезвия сотни стрел. Не того он ждал от нее, не на это надеялся, когда просил подойти, но благодарен должен быть даже за это. Мало кто в Чертоге Зимы протянет Витарру руку помощи, а ей и во-все отцом строго-настрога запрещено говорить с Витарром. Рискует Ренэйст, может сама остаться дома вместо того, чтобы поплыть в набег, коль заикнется о брате перед отцом.

Страшно послушаться отца, но и Витарра в беде оставлять не хочется. Горд и глуп он был, слишком мал для того, чтобы понять, в какой они опасности. Что же теперь, до конца жизни травить его, как беспризорного пса?

Ренэйст знает, как следует поступить, и проклинает свою доброту.

Глава 2. Великий Чертог

Пристань встречает ее треском факелов и перекрикиванием моряков, причаливших к берегу; давно здесь не было столь многолюдно. Пробираясь сквозь толпу мужчин, радующихся встрече и окончанию долгого пути, приветствующих дочь своего конунга, Ренэйст с интересом рассматривает их, отвечая на приветствия, но не забывает искать взглядом отца. Прибытие гостей событие всегда волнительное, особо любимое теми, кто никогда не покидает родные края. От моряков можно узнать последние новости, послушать невероятные истории об их приключениях там, на солнечных берегах. Некоторые лица знакомы Ренэйст еще с прошлых сборов, у них она выпрашивала очередную историю, будучи ре-

бенком, иные же – совсем юные, принадлежащие юношам примерно одной с ней зимы. Они прибывают в Чертог Зимы для того, чтобы отправиться в первый свой набег. Одной из них будет Ренэйст, доказав себе и Всеотцу, что готова покинуть родное гнездо и отправиться в открытое море.

Восхищают корабли, пробившие себе путь сквозь ледяную толщу. Знаком Белолунной украшен каждый герб, что изображен на разноцветных парусах, ведь будущему правителю должны быть известны все, кто будет под его крылом. С самого детства готовит отец ее к тому, что однажды сдавит лоб золотой венец и будет Ренэйст править луннорожденными, да не спросил, желает ли того она. Это место должно принадлежать Витарру, как второму ребенку, единственному оставшемуся у конунга сыну, но обозлился на него отец, лишил того, что положено ему по праву.

Быть может, именно эти мысли виновны в том, какое решение принято ей о просьбе Витарра? Чувство вины, что черным змеем стискивает ее сердце?

Найти отца оказывается не столь трудно. Ганнар Покоритель хохочет так, что пристань дрожит под ногами. Ренэйст замечает его чуть поодаль, у одного из только прибывших кораблей. Шумно разговаривают они с Олафом-ярлом, властителем Звездного Холма, прибывшего в Чертог Зимы вместе со своим младшим сыном Ньялом. Он стоит подле них, высокий и гордый, и вид его вызывает улыбку на ее лице. Направляется она в их сторону и сильнее кутается в волчий

мех, Ньял замечает ее первым, смотрит задорными зелеными глазами сквозь непокорную гриву рыжих волос и, стоит луннорожденной подойти ближе, бьет себя кулаком по груди в знак приветствия.

– Пусть Луна сияет ярко над твоей головой! Когда я видел тебя в последний раз, то была ты куда ниже, Ренэйст, дочь Ганнара.

Протягивает Ньял руку, и Ренэйст крепко сжимает пальцами его локоть, ощущая чужую хватку. Легко касается Ньял ладонью ее спины, отстраняясь, и выпускает из собственных рук. Приветствие это занимает не более мгновения, но благодаря ему понимает она, сколь сильно скучала.

– Ты тоже стал выше с нашей последней встречи, Ньял, сын Олафа, – отвечает Ренэйст с улыбкой, после чего склоняет голову перед ярлом, прижав кулак к груди. – Рада видеть тебя в Чертоге Зимы, Олаф-ярл. Здесь ты всегда желанный гость.

Ярл хохочет в ответ на ее приветствие, хлопает себя по бокам и смотрит с высоты недюжинного роста единственным глазом, и тем похожи они с Ганнаром Покорителем. Говорят, лишился он второго ока в схватке с хозяином льдов, шкура которого украшает их Великий Чертог. В далеком ныне детстве посещала она Звездный Холм вместе с отцом и помнит огромную шубу белого медведя, что висит на стене позади тяжелого трона. Пугал тогда ярл тем, что засунет ее голову в пасть мертвого зверя, если Ренэйст не прекратит задирать

его сына, который в ту зиму едва доставал ей до плеча. Не были настоящими эти угрозы, но после слов этих с опаской смотрела конунгова дочь на диковинный трофей ярла.

– Неужели твоя языкастая девчонка превратилась в женщину, Ганнар? – хохочет он.

– В не менее языкастую женщину, мой друг, можешь не сомневаться!

Ганнар хлопает товарища по плечу, и вдвоем они шагают по пристани в сторону Великого Чертога, не прекращая громко хохотать, оставив своих детей предоставленными самим себе. Наблюдая за ними, рыжеволосый юноша с легкой усмешкой качает головой, уперев руки в бока. Ньял – младший сын Олафа-ярла, меньший из шести, и, глядя на него, каждая девушка может невольно задуматься о том, так ли хороши его старшие братья, как он сам. Из всех шестерых только Ньял еще не обзавелся женой, слишком юн он для этого, но Ренэйст уверена – в Звездном Холме немало претенденток на место подле него.

Невольно задумывается она о том, каково это – быть чьей-то женой. Знает, что и ее это ждет, ведь Чертогу Зимы, а также иным землям луннорожденных нужен будет конунг, когда придет время отцу ее занять место подле богов. Ренэйст хочет верить в то, что там, на другой стороне Бивреста, на исходе своей жизни смогут они отыскать тех, кто покинул их. Знает лишь то, что, когда отец ее вдохнет в последний раз морозный воздух, его место перейдет Хакону, как супру-

гу наследницы трона.

Думать о том, кто должен владеть им по праву, сейчас нет желания. И без того слишком часто мысли эти посещают Ренэйст, словно бы что-то может зависеть от ее слова.

Мнется Ньял, словно что-то сказать хочет, только молчит. Лишь поджимает губы, фырчит, и пар валит с его ноздрей. Смотрит на него Ренэйст пристально, ждет, что же скажет, и хмурится – топчется на месте, словно мальчишка, а не воин, прибывший доказать свою силу! Ловит он на себе ее взгляд, выдыхает медленно, возвращая себе ту же уверенную усмешку, и словно нет в нем больше той робости, что тяготила мгновение назад.

– Ты уже видела Хейд? – все же спрашивает он.

Тонкие губы Белолунной трогает легкая улыбка. Что тут сказать? Вопрос этот неизбежно прозвучал бы, поэтому взглядом невольно пытается найти она ту, о которой они говорят. Оборачивается, глядя на драккар, выкрашенный в черный цвет, но видит подле него лишь пару моряков, что проверяют, надежно ли встал корабль у пристани. Лишь корабли ярла Трех Сестер выкрашены в черный, но ни на одном из них не видно ни ярла, ни самой Хейд.

– Нет. Думаю, мы разминулись, – отвечает она. – Хейд наверняка уже в Великом Чертоге, где и нам с тобой нужно быть.

Он не спорит, лишь жестом приглашает Ренэйст покинуть причал. С каждым шагом все яснее чувствует она чей-то

взгляд на своей спине, взгляд пристальный и жгучий, принадлежащий тому, кто скрывается в тени. Незащищенной ощущает она себя, ждет, что вонзится наконечник стрелы, источающей яд, между ее лопаток, и чувство это заставляет идти быстрее. Стремится Ренэйст как можно скорее оказаться под защитой стен Великого Чертога; веками оберегает он луннорожденных от беды, и ее сбережет.

Ньял расправляет плечи и шагает гордо, показывая себя девушкам, что одаривают его улыбками, смущенно пряча взгляды за ресницами. Наглый хвостун, еще и ведет себя так, словно бы не отдал уже свое сердце одной гордой птице. Перед самой Ренэйст он никогда не красуется, да и зачем это? Ресницы у нее короткие и белые, словно заснеженные еловые иголки, и смотреть она предпочитает в глаза. Что перед такой красоваться? Оба знают, что ни одной из этих девушек не суждено быть подле него, только никак не может отказать себе Ньял в том, чтобы очаровать новую красавицу.

– Хороши девушки в Чертоге Зимы! – говорит он с широкой улыбкой, огладив короткую, но аккуратно подстриженную рыжую бороду. – Никак не перестану ими любоваться!

Стоящие неподалеку девушки хихикают, сбиваясь в стайку, украдкой кидая взгляд на прибывшего в их края гостя. Ренэйст усмехается. Ей стоит скорее привести сына Олафа-ярла в Великий Чертог, пока пламенное его сердце не обожгло их нежные сердца. Конечно, и в Чертоге Зимы есть красивые юноши, достойные внимания, только вот инозем-

ные всегда краше кажутся, манят неизвестностью и словно бы даже пахнут иначе. И с ней так случилось, увидела Хакона – и пропала, хоть сама того не поняла сразу, будучи совсем еще девчонкой, у которой молоко на губах не обсохло.

Конунг привез Хакона с собой из набега, в который ушел практически сразу же после кончины Хэльварда. Нет для мужчины лучшего лекарства, чем сражение, собственные раны заливать чужой кровью кажется им правильнее, чем принять свое горе. Поэтому отправился Ганнар Покоритель на поиски своего исцеления, бросив горящую жену и детей. А когда вернулся, то привел в свой дом осиротевшего мальчишку, испачканного сажей и смотрящего на них загнанным зверем сквозь копну грязных волос, падающих на лицо. Быть может, пытался конунг найти в нем утешение или же просто не смог оставить на произвол судьбы, только не говорил никогда, что с ним случилось. Нет у Хакона больше прежнего дома, и ни разу за десять зим не сказал он, где находится его родина.

Мысли о горе – что своим, что чужом – настолько поглощают ее, что прекращает Ренэйст даже кивать в ответ на задорные рассказы Ньяла о прошедшем плавании. Он и сам замолкает, да только молчание это, что наскучивает ему слишком быстро, заставляет спросить:

- Неужели и с Хаконом ты такая?
- Какая же?
- Упрямая и холодная, словно Скади.

Вскидывает она брови, удивленная подобным сравнением. Останавливается, смотря на Ньяла, и отвечает растерянно, припоминая сказания о ледяной охотнице:

– С чего бы? Да и Хакона ведь я не по ногам выбирала.

Ньял улыбается, обращая на нее один из излюбленных своих лукавых взглядов. Ничего хорошего не сулит этот взгляд, и Ренэйст напрягается, ожидая, что же скажет ей острый на язык юноша.

– Знаю я, *как* ты Хакона выбирала, – говорит Ньял.

Щеки северянки вспыхивают, подобно пламени костра. Как смеет он позволять себе подобные речи в отношении дочери конунга? Не имеет права на это даже потому, что несколько зим назад связали они себя узами побратимства, разделив свою кровь! Как воину, Ренэйст следует посмеяться над собой, но у нее не выходит. Сердечную тему затрагивает Ньял, словами подбирается к самому сокровенному, туда, куда не всех допускают. Не ему судить, отчего выбор ее пал именно на Медведя, и не ему ее осуждать! Она бьет его кулаком, сокрытым тяжелой кожаной перчаткой, в крепкое плечо, и заходится Ньял громким смехом.

– Не сердись, Белолунная, – смеется он. – Но уж больно ты была серьезна.

– И потому ты ведешь себя так, словно все еще остаешься несмышленным ребенком? – отвечает она. – То, что чувствуют другие, не имеет для тебя никакого значения, Ньял. Должна ли я говорить, почему *она* до сих пор избегает тебя?

Видит это в тебе, и вряд ли женщина, подобная ей, захочет такого для себя обращения.

Хмурится Ньял, но не говорит ничего. Отворачивается, смотрит на небо, раскинувшее звездное полотно над их головами, и совестно становится Ренэйст за злые свои слова. Но в то же время отгоняет она от себя жалость; давно пора отучить наглеца вести себя подобным образом. Хороший Ньял друг, верный товарищ да славный воин, только себялюбив и жесток. Знает он, что любим народом, потому и пушит свой лисий хвост, не зная меры в своей гордости.

Остаток пути проходит в молчании, окутанном волнением. Как не волноваться, когда за святыми стенами ожидает судьба? Пройдя испытание, Ньял сможет называть себя мужчиной, и в походе он будет равным другим. Ренэйст же, даже пройдя испытание, останется женщиной, дочерью конунга. Пусть и пойдет в поход, да только никто не даст ей весла, не нагрузит работой, молчаливо напоминая о том, кто она. Боится этого Белолунная, ведь каждый на драккаре должен занять свое место. Не доверятся ей, отгородятся. Так и останется она белой среди серых.

Ощущение чужого взгляда, направленного в спину, вновь посещает ее. На ступенях Великого Чертога останавливается она, оборачивается, выискивая в свете факелов молчаливого наблюдателя. Тревога не исчезает, остается на кончике языка горечью. Она *знает*, что кто-то наблюдает за ней.

– Почему ты остановилась? – спрашивает у нее Ньял,

успевший уйти вперед. – Нечего смотреть назад, туда дороги больше нет. Мы можем идти только наверх.

Ренэйст медленно кивает головой, продолжая свой путь, слыша, как снег скрипит под ее сапогами. Он прав – нет дороги назад, и не должна она оборачиваться. Кто бы ни смотрел ей вслед, больше это не имеет значения.

Воины, стоящие на страже по обе стороны от тяжелой резной двери, выпрямляются, завидев их приближение. Олафсон кривит губы в лукавой усмешке, кидает на подругу детства быстрый взгляд, только та все так же невозмутима. Проходит она мимо, лишь кивает слегка головой, и распахивают стражи перед ними тяжелые двери.

Великий Чертог дышит на них жаром очага и ароматом съестного, а стуки каблуков, звучания музыки и множество голосов проникают в головы, наполняя их шумом. После морозного воздуха тепло жалит щеки уколами сотен крошечных игл, и Ренэйст трет их ладонями, предварительно сняв перчатки и сунув их за пояс, словно это поможет. За ее спиной Ньял широким движением стирает с бороды подтаявший иней, смахнув с пальцев капли воды. Взглядом находит он братьев своих и отца, столь же рыжеволосых и шумных, как и он сам, и говорит, обращаясь к своей спутнице:

– Пожалуй, присоединюсь к веселью моих родичей. Со всем скоро начнется наше посвящение. Боишься?

Фырчит она задорно, слегка откинув назад голову, но даже слепец заметит, сколь фальшив этот задор.

– Шутишь, Ньял, сын Олафа? Стали б называть меня Белой Волчицей, коль боялась бы я испытаний?

Белой Волчицей прозвали Ренэйст на Трех Сестрах, и с архипелага хлынуло оно на материк. Луннорожденные же, не желая даже в подобной мелочи соглашаться с островитянами, продолжали называть ее прозвищем, данным на родине, – Белолунная. За белые ресницы, волосы и кожу получила она его, а иное – за качества, приравнивавшие ее к символу собственного рода. Оттого оно ей милее.

Широким шагом идет она мимо престола, на котором, хоча, восседает отец. Ганнар-конунг в хорошем расположении духа, и за столом ему прислуживает Руна. Йорунн, сидя по правую руку от него, ест с холодным безразличием на лице, лишь изредка кидая короткие улыбки тем, кто интересуется, не больна ли ранее улыбчивая и счастливая владычица Чертога Зимы. Кому же скажет она, сколь тяжело дается ей измена собственного супруга? Долг ее, как кюны, на первое место ставить благополучие своего народа, и уже потом может думать она о собственном счастье. Только покинуло оно ее, утонуло в Зеркале Вар, и лишь долгом живет теперь Йорунн, дочь Хильде.

Незаметной хочет остаться Ренэйст, проскользнуть мимо отца и сесть поближе к другим воинам, но замечает ее конунг.

– Что же ты, дочь моя, скрываешься в тени? – радостно восклицает он. – Сядь подле отца, как истинная его наслед-

ница! Пусть видят все гордость и честь Ганнара Покорителя, конунга Чертога Зимы!

Становится ей неуютно от направленных в собственную сторону взглядов едва ли не всех присутствующих на этом пиру. Хочется выбежать из душного зала, рухнуть в снег, но не видеть их, не чувствовать, ведь не она гордость и честь своего отца. Чужое место занимает, и оттого столь тяжело на сердце. Некого ей винить в том, что судьба сложилась столь несправедливо, ибо нет больше норн, что прядут нить каждого человека. Запутался клубок, не может нужный узор сплестись в единое полотно.

Нехотя все же подходит она и занимает место по правую руку от Йорунн. Одна из рабынь, привезенных из ранних набегов, торопится наполнить кубок дочери конунга пряным медом, и Ренэйст делает небольшой глоток, перекатывая напиток на языке. Скользит взглядом по присутствующим, и привлекает ее внимание темная фигура, сидящая за столом, расположенным едва ли не дальше всех от взора конунга.

Нет никаких сомнений в том, что это Витарр. Пусть и скрывает он лицо в тени глубокого капюшона тяжелого своего плаща, но даже со своего места видит Рена, что на левой кисти гостя отсутствуют указательный и средний пальцы. Он потерял их двенадцать зим назад из-за обморожения. Отец любит говорить, что это наказание за то, что он погубил Хэльварда.

Несмотря на то что ему грозит наказание, если кто-то его

узнает, он весьма весел. Видит Ренэйст, как смеется брат, отвечая на шутку сидящего рядом с ним воина, хлопает его по плечу, второй рукой поднося к губам тяжелую кружку, полную пива. Янтарная жидкость течет по его подбородку, и широким движением он стирает ее с бороды, продолжая смеяться. Когда в последний раз он был так радостен и беззаботен? Кажется, вечность прошла с того момента, когда в последний раз видела Ренэйст, как смеется брат. Понимая, что смотрит на него слишком долго, что может привлечь к нему совершенно ненужное внимание, Белолунная отворачивается, ловя на себе взгляд другого мужчины.

Не боится Хакон, что кто-то заметит, как смотрит он на нее. Да и что должно пугать его, если сам конунг благоволит этому союзу? Не одобряй Ганнар-конунг выбор дочери, так Медведя давно бы уже не было в Чертоге Зимы. Конунг вырастил Хакона как родного сына, найдя осиротевшего мальчишку на руинах Последнего Предела, и теперь уверен, что передаст в надежные руки не только свое дитя, но и свой народ, когда настанет его время отправиться в Вальхаллу. Есть, конечно, и те, кого не радует то, что именно Хакон станет новым правителем, будучи супругом наследницы трона, только не смеют они перечесть, опасаясь гнева Покорителя.

Ганнар Покоритель так же хорош в убийстве своих врагов, как и в веселье во время пира. Хохоча во весь голос, он с силой хлопает проходящую мимо Руну по ягодицам, вынуждая ее вздрогнуть. Та, сдавленно охнув, оступается, ед-

ва не роняя бочонок с медовухой. Неуклюжесть беременной женщины побуждает конунга засмеяться лишь громче, и с отвращением наблюдает Ренэйст за отцом.

Жестом велит она Руне подойти ближе, и та, покорно склонив голову, подчиняется. Забирает Ренэйст из рук ее тяжелый бочонок, велит другой рабыне подойти ближе и вручает ей.

– Разлей мед да проследи, чтобы все кубки были наполнены, – отдает она указания, после чего обращается к Руне: – Возвращайся в дом и отдохни. Нечего тебе здесь делать.

Руна ничего не говорит, только это и не нужно – без того видит Белолунная благодарность в ее глазах. Кивает Руна, слегка склоняется в знак почтения, и, положив ладонь под живот, словно придерживая его, направляется в сторону тяжелых дверей. Со своего места наблюдает Ренэйст, как облачается рабыня в шубу, как из Великого Чертога выпускают ее в холод Вечной Ночи, и тут же замечает, как поднимается на ноги Витарр. Оставляет Вит и хмельной свой напиток, и собеседников, с которыми сидел за одним столом. Быстрым шагом подходит к двери – и скрывается за ней следом за Руной.

С чего бы брату идти за отцовской рабыней? Вряд ли беспокоит его ребенок, коего даже братом – или сестрой – назвать не может из-за решения конунга. Для чего тогда следует за ней?

Отец не торопится начинать разговор, ради которого со-

брались они нынче в этих стенах. Ждет ли кого-то или же желает утолить свою праздность? Ренэйст не знает, чего ожидать, и вряд ли хоть кто-то из присутствующих догадывается, что думает о происходящем сам конунг. Среди гостей уже растет недовольство, видит она, как перешептываются они, бросая гневные взгляды в сторону конунга. Никак до распрей дойдет?

От мыслей этих отвлекает луннорожденную появление скальда. Молодой мужчина, вряд ли многим старше ее самой, при помощи уже подвыпивших воинов взбирается на один из столов, чтобы лучше слышно было его во всех сторонах Великого Чертога, и удобнее перехватывает свой музыкальный инструмент. Пальцы трогают струны, и первые строки сплетаются в песню, печальную и протяжную, повествующую о гибели богов. Замолкают присутствующие, слушают, затаив дыхание, окутанные тоской о былой, неизвестной им жизни. Глубокий голос скальда поднимается ввысь, отталкивается от древних сводов, да так и поднимается до самых звезд, к безучастной Луне, чье холодное око неустанно следит за ними.

Окончание баллады встречается яростными криками и звоном кубков. Сияются луннорожденные скинуть с себя оковы печали, сковавшие их, стряхнуть иней погребенных в их душах сожалений. Не боятся дети Одина боли физической, но душевные тяготы приносят им нестерпимые муки. Говорят, что осколки льда покоятся в груди у них, но Ренэйст

знает – ничто не может болеть с такой силой, как сердце, полное горя.

Ренэйст делает глоток медовухи из своего кубка, замечая, как украдкой стирает мать слезы со своего лица. На фоне веселья, беснующегося в сводах Великого Чертога, кажется кюна еще более печальной, словно сотканной из снега и горя. Отставив кубок в сторону, тянет Ренэйст к матери руку, нежно сжимая хрупкие ее пальцы, и улыбается, стоит Йорунн поднять на нее печальный свой взгляд.

– Старая сказка не должна печалить тебя столь сильно, мама.

Кюна улыбается ей нежно, отвечая:

– Если перестанем печалиться от этих историй, волчонок, то потеряем себя.

Не знает Рена, что ответить матери на эти слова. Больше старых сказок печалит ее то, что народ их столь отчаянно цепляется за свое прошлое. Согласна она с тем, что необходимо чтить его и помнить, но искать свою судьбу в отголосках чужих жизней... Не для того она была рождена, не для того ведут они эту борьбу.

– Не забыл ли ты, Ганнар-конунг, – прорывается сквозь общее веселье звонкий голос, – для чего мы все собрались сегодня в этих стенах? Не для того же, чтобы попусту набивать животы яствами да выпивкой!

Стихают разговоры, недовольно выискивают воины взглядами наглеца, посмевшего прервать их пиршество, только он

и не думает скрываться. Едва ли не вскакивает на ноги Белая Волчица, стоит знакомой фигуре выйти вперед, являя себя собравшимся. Статная женщина смотрит на конунга Чертога Зимы темно-зелеными глазами, и взгляд этих глаз тяжел и суров. Говорят, что рождена она под Солнцем и жила там до тех пор, пока не явились на горизонте полосатые паруса. Инга – так звали черноволосую рабыню с диким нравом, которую Эгилл-ярл привез с собой как трофей.

Стоит теперь в Великом Чертоге подле других воинов Исерд-ярл, и нет в ней больше Солнца.

– Не для того везла я дочь свою сюда с самых Трех Сестер, чтобы прозябать здесь, – говорит она, скривив тонкие губы. – Угощаешь ты на славу, Покоритель, да поесть мы могли и в своих домах.

Дерзость эта восхищает. Кто-то из прибывших в Чертог Зимы воинов выражает свое недовольство, поддерживая Исерд-ярл, в то время другие противятся, требуя продолжения пиршества. Есть еще время для того, чтобы решить важные вопросы – вот что говорят они, желая отсрочить то, ради чего они прибыли.

Ренэйст находит взглядом Ньяла, но Олафсон и не смотрит в ее сторону. Вглядывается в противоположную часть Чертога, ищет взглядом, и губы его растягиваются в улыбке в тот момент, когда видит ту, которую искал. Хейд встает из-за стола и проходит вперед, становясь несколько позади матери, даже не посмотрев на любующегося ею Ньяла. Увидев

ее, Олафсон едва ли не опрокидывает стол, с такой прытью вскакивает он на ноги. Ведет себя, словно мальчишка, и это заставляет Ренэйст коротко улыбнуться, покачав головой.

Влюбленные мужчины временами ведут себя, словно дети.

– И то верно, великий конунг! – восклицает он, расправив плечи, и оглядывается в поисках единомышленников. – Мы жаждем встретить свою судьбу!

Слова Ньяла встречают с бóльшим одобрением, и не понимает Ренэйст почему. Из-за того ли, что он мужчина, или потому, что часть собравшихся оказалась здесь по причине того, что дело это касается их напрямую? Быть может, и не важна причина.

Ведомо ей, откуда в нем столько огня. Переводит Белолунная взгляд на Хейд, ради которой сын ярла Звездного Холма ныне распушил свой хвост. Лишь смотрит на него мимолетно, но сразу же выпрямляется, расправляя плечи, словно бы выше казаться старается.

Ярла Трех Сестер – островов, находящихся не столь далеко от Чертога Зимы, – жители материка не жалуют. Неприемлемо, чтобы женщина возвышалась над мужчинами, присвоив себе титул, ей неположенный. Даже Ренэйст, будучи дочерью конунга, понимает, сколь велика пропасть между ней и другими воинами. Являясь наследницей отца, она не унаследует титул, а лишь передаст его своему супругу. Искердьярл же намерена посадить на трон Трех Сестер свою

дочь, в то время как Хейд лишь исполняет волю матери. Желает ли она сама этого? Не знает никто, что происходит в молчаливых ее думах, но сколько раз насмешливо подмечали, что покорности ее хватило бы и на мать. Даже сейчас молчит она, смотрит холодно, а на лице такое безразличие, словно бы все, что происходит, и вовсе ее не затрагивает. Искерд же огнем пылает, и слова ее сочатся ядом.

Едва исполнилось Ренэйст восемь зим, когда Искерд-ярл предложила, чтобы дочь конунга Чертога Зимы гостила на Трех Сестрах. Символом доверия служили подобные визиты доброй воли и мира, царившего между островами и материком. Оберегала ярл свои владения от нападения могучего соседа, коего опасалась, защищала дружбой собственной дочери и будущей кюны. Прибывая на архипелаг Витарр, союз можно было бы заключить гораздо легче, только вот не он наследник своего отца. Сама Белолунная с нетерпением ждет, когда же драккар умчит ее к островам, названным в честь норд – Урд, Верданди и Скульд, от чего и зовут их Тремя Сестрами. Дикими, непокорными кажутся острова, совершенно не похожими на лес, окружающий родные стены. Влекут скалистые берега и пушистые ели, чьи заледеневшие ветви касаются самой земли. Любимым укрытием для Ренэйст были эти шатры в их с Хейд детских играх, когда охотились они друг на друга. На Урд, старшей из Сестер, раскинулся Глаз Ворона, и не отделяют стены его от леса. Дышится там свободнее, и не чувствует Ренэйст спиной тяжело-

го взгляда погибшего брата, смотрящего на нее сквозь толщу воды. Исгерд-ярл же относится к гостье столь строго, как и к собственной дочери, одинаково строго воспитывая их. Несмотря на это, так и не удалось им достаточно сблизиться, чтобы могли они назвать себя сестрами. Тихая, нелюдимая Хейд немногословна и глядит так, словно все, что окружает, ей вовсе неинтересно. Ледяной Госпожой прозвали Хейд воины матери, и губы ее никогда не трогает полумесяц улыбки.

Быть может, холодность эта так влечет к ней Ньяла? Кажется, словно бы бросает островитянка ему вызов. Рискнешь ли растопить мой лед, словно бы спрашивает она у него, хватит ли для этого твоего огня?

Встает он чуть поодаль от Исгерд, молодой, красивый, пышущий жаром. Младший из шести сыновей, каждый из которых – гордость отца, всегда и во всем желает он быть первым. Докажет Ньял что достойным сыном своего рода является он, и, как пятеро братьев до него, получит в наследство от Олафа-ярла четыре боевых корабля; прекрасный флот, с которым сможет добыть он себе славу. Любая бы пошла за него, если бы позвал, да только упрям Ньял, и подругу желает заполучить себе под стать. Отворачивается Хейд, поймав на себе лукавый его взгляд, прикрывает лицо темными волосами, словно бы сможет это заставить Ньяла прекратить смотреть на нее.

Окинув взглядом единственного ока сына своего боевого товарища, Ганнар-конунг величественно поднимается на но-

ги. Ренэйст, увидев мимолетное движение ладони отца, встает следом, и дышать ей становится тяжело. С каким удовольствием выбежала бы она из Великого Чертога для того, чтобы окунуться пылающим лицом в холодные сугробы! Один за другим воины, прибывшие в Чертог Зимы ради своего посвящения, встают из-за столов и выходят вперед, ожидая решения конунга.

– Наглости в тебе столько, сколько во всех пятерых твоих старших братьях, Ньял, сын Олафа, – говорит конунг.

Слова эти заставляют Ньяла самодовольно улыбнуться, ударив себя кулаком по груди.

– А воинской рати хватит на весь Чертог Зимы! – гордо восклицает он, вздернув подбородок.

– Храбриться может каждый дурак, как и хвастаться несовершенными деяниями. Сначала докажи, Ньял, сын Олафа, что правдивы твои слова.

Ове, сын ярла Ока Одина, что стоит на Рокочущей Горе, вмешивается в их разговор. Не так давно исполнилось ему шестнадцать зим, а потому является он самым меньшим из тех, кто ныне прибыл для того, чтобы показать свои силы. Светловолосый и по-девичьи хрупкий, не носит он бороды, а в бою предпочитает лук и стрелы. Нет в нем звериной ярости, подобной той, что тревожит Ньялу душу, но каждый в этом зале скажет, насколько мудрее своих сверстников юный Ове. Выходит он из-за стола, подходит ближе, и белая макушка его едва достает высокому Ньялу до плеча. Смотрит

он на обидчика сверху вниз, лицо его багровеет, только нет в Ове страха. Смотрит спокойно и холодно, лишь приподнятая бровь, ожидая, что же ответит ему сгорающий от ярости Ньял.

– С твоими нудными речами самое место тебе в храме, а не на драккаре, Ове, сын Тове! – набрасывается на обидчика Олафсон, чью гордость задела чужие слова. – Такого, как ты, одолеть сумеет даже старик! Молись мертвецам, только в этом и будет от тебя толк!

Наполняется Великий Чертог недовольным гомоном. Не прощаются так просто подобные речи, и вспыльчивый нрав его может привести к раздору между Звездным Холмом и Оком Одина. Тове-ярл, позабыв про пир, встает из-за стола, вынимая меч из ножен. Намерен он пролить кровь обидчика, посмеявшего оскорбить единственного его наследника, и из схватки этой хвастунишке Ньялу не выйти живым. Иные же воины лишь поддерживают кровопролитие, ведь только кровью, по их мнению, должно решить этот спор.

Ей нужно прекратить это, но кто ее послушает? Ренэйст еще не правительница, слово ее не имеет своего веса, в то время как конунг лишь наблюдает, не спеша вмешиваться. Оглядывается Ренэйст по сторонам в поисках того, что могло бы помочь ей, хватает с блюда с мясом кабана запеченную сливу, сочащуюся соком, и с силой бросает.

Шмяк! – Ягода попадает Ньялу в щеку, оставляя на коже красноватый след. Тут же смотрит он на нее, впиваясь в лицо

взглядом горящих зеленых глаз. Как ты могла, спрашивает этот взгляд, как ты посмела?

Ренэйст расправляет плечи; взгляды присутствующих обращены на нее, и ждут они, что же она сделает. Смотрит она мимолетно на Хакона, ищет его поддержки, и он лишь кивает едва заметно, призывая к дальнейшим действиям. Глухо бьется о ребра взволнованное ее сердце, но голос остается спокойным, когда начинает она говорить:

– Не для того собрались мы здесь, чтобы устраивать подобное ребячество. Не смей принижать других, Ньял, сын Олафа. Все мы равны, и ни единый твой подвиг еще не воспели скальды, чтобы мог ты хвалиться военным своим мастерством. Тове-ярл, простите его дерзость. Все мы тревожимся из-за испытания, что грозит нам, и не ведаем, что творим, ослепленные волнением.

Пристыженный, Ньял кривится, словно бы съел что-то кислое, стирая рукавом липкий сливовый сок. Поджимает губы Тове-ярл, но возвращает меч свой в ножны, кратко кивнув посмотревшему на него сыну. Стихает их гнев, и Ренэйст позволяет себе короткую улыбку, ведь впервые решает она подобные вопросы своими силами. Чувствует, как тяжелая рука отца ложится на плечо, и вскидывает голову, смотря на него. Самыми уголками губ улыбается конунг, сжимает пальцами хрупкое плечо дочери, говоря едва слышно:

– Очень хорошо.

Похвала отца пробуждает в ней чувство гордости, застав-

ляющее выпрямить спину и приподнять подбородок. Не зря столь долгое время обучают ее, подготавливают к дальнейшему вступлению на престол. Пусть самолично и не будет она править, но сможет помочь будущему супругу в нелегком этом деле. Хакон будет хорошим конунгом, и Ренэйст позаботится о том, чтобы правление их прославило ее род.

Но, несмотря на всю любовь к нему, желает ли она быть лишь его тенью?

Мрачные мысли эти покидают ее, стоит отцу выйти из-за стола. Мгновенно смолкают разговоры, и ждут воины, что их правитель скажет им. Величественным кажется Ганнар-конунг в этот момент, и знает Ренэйст, что эти люди пойдут следом за ним. Как же жестока насмешка богов – человек, пользующийся подобным уважением, столь несправедлив к собственной семье. Знают ли они, как он поступил с собственной женой? Ведают ли, какую жестокость проявил к сыну?

Жалеет ли сам конунг о том, что совершил?

– Довольно разговоров, братья и сестры. Верно говорит Исгерд-ярл – не для того вы проделали столь долгий путь, ведя за собой своих отпрысков. Собрались мы здесь для того, чтоб дети наши, будь то сын или дочь, доказали, что достойны называть себя викингами. Я призываю их, достигнувших свою шестнадцатую зиму, встать перед нами!

В спешке выходят будущие воины вперед, становятся плечом к плечу. Гордо выпрямляют они спины, наслаждаясь

важностью момента, и среди них, шестнадцать крепких мужей, двумя воронами – черной и белой, – стоят Хейд и Ренэйст. Прекращается пиршество, и не сводят присутствующие с них внимательных взглядов, помня, как и сами стояли пред конунгом в шестнадцатую свою зиму. Сами они были моложе, да и конунг был другой, но повторяется этот обряд из года в год уже долгое время. Чувствует Ренэйст, как становятся холодными и липкими от пота ее ладони, и незаметно вытирает их о подол праздничной своей рубахи.

– Детали посвящения веками держат в секрете от тех, кому только предстоит пройти этот путь. Сейчас пришло ваше время познать это таинство. Прежде чем взойти на борт драккара, прежде чем сражаться бок о бок с другими воинами, вам следует показать, что вы готовы к этому, пройдя через суровое испытание.

Конунг замолкает, и дрожь проходит по спине Ренэйст, когда он завершает свою речь, понизив голос до зловещего шепота:

– Вам предстоит охота на тролля.

Глава 3. Перед испытанием

Им дают лишь одну лучину для того, чтобы подготовиться к испытанию.

Тяжело дрожащими руками затягивать тонкие ремни на плечников, и приходится Ренэйст обратиться за помощью к матери. Смотрит куда угодно, только не на пальцы Йорунн, дрожащие от волнения. Слышит, как сбивается ее дыхание, выдавая и без того заметное беспокойство. Ренэйст хочет успокоить ее, утешить, но единственное, что может подарить кюне покой – если останется она в доме. В безопасности, подле ее крыла.

Отпустить свое дитя в лес, много зим назад потеряв в его чаще первенца, равносильно проклятию богов. Если бы

только наблюдали они за ними, Йорунн могла бы винить их в своем горе, только давно пустуют небесные чертоги. Некого ей винить, кроме них самих.

Времени не остается. Йорунн прижимает дочь к своей груди, и та сжимает пальцами ткань платья на спине матери. Стать бы вновь ребенком, да быть в безопасности у нее на руках, только не для этого проделала Ренэйст такой длинный путь.

Еще не поздно остановиться. Отречься от права носить меч на поясе, повесить на стену лук и взять в руки пряжу. Облачить себя в платье и не знать беды. Стать Хакону женой и жить так, как мечтает любая другая. Не желает Ренэйст себе подобной судьбы; хочет быть равной мужу, а не скрываться за его спиной. Быть может, сложишь все иначе...

Разжимает дрожащие пальцы и делает шаг назад, отступая, вынуждая мать выпустить из кольца своих рук. Смотрит Йорунн с мольбой, пусть и знает, что слезы не заставят Белолунную отречься от своего выбора.

Все сложилось именно так. Не для того была она рождена, чтобы прозябать под защитой стен Чертога Зимы. Не для того отец растил ее воином, чтобы отдать другим свою славу. Не для того покоится Хэльвард под толщей воды, отдав сестре свою судьбу.

Обхватив лицо матери ладонями, Ренэйст прижимается ко лбу ее коротким поцелуем, выдохнув в золото волос:

– Не бойся. Я вернусь.

Тянет Йорунн к ней руки, пытается удержать, но решительно отступает Ренэйст, направляясь к двери. Сварог ждет ее подле порога, протягивает лук и колчан со стрелами, стоит подойти достаточно близко. Солнцеликий смотрит на луннорожденную выцветшими от старости глазами и лишь кивает молча. Она кивает в ответ, и молчаливого этого разговора достаточно, чтобы смогла она улыбнуться. Закидывает колчан на спину и открывает дверь, выходя под свет звезд навстречу своей судьбе.

Хакон сидит на ступенях дома конунга, и взгляд его устремлен в сторону леса. Оборачивается, смотрит через плечо и хмурит брови, заметив на себе ее взгляд. Несмотря на то что сам же и тренирует ее, Хакон против того, чтобы проходила Ренэйст испытание. Как может он позволить ей рисковать собой? Отпустить в лес, прямо в руки беды?

Помнит прекрасно Медведь о собственном испытании и том, как тяжело было вернуться живым. Но Ренэйст упряма, и не за это ли любима им? Даже сейчас, напуганная неизвестностью, гордо расправляет хрупкие плечи, и глаза ее глядят непокорно. Они смотрят друг на друга, но ничего не говорят. Да и к чему слова, когда могут они привести лишь к раздору? Хакон кивает, призывая идти за ним, и, поднявшись с порога, держит путь в сторону ворот. Подле них должны собраться те, кто желает стать воинами. Кинув мимолетный взгляд на стены безопасного дома, Ренэйст идет следом, и снег скрипит под ее сапогами.

За весь путь они не говорят ни слова, но кожей, словно окружающий их мороз, ощущает она его беспокойство. Кажется ей, словно не хочет он ее видеть, и волнение становится от этого только сильнее. Как сильно нужна ей его поддержка! Уверена она, что Хакон знает об этом, но почему же молчит? Неужели так зол?

Поборов страх, Ренэйст подходит ближе, тянет руку – и сжимает его ладонь. Смотрит внимательно в глаза, поджигает губы и все же говорит тревожно:

– Ты волен злиться на меня, Хакон, но не ты ли говорил, что будешь подле меня в час нужды?

Продолжает он молчать, лишь смотрит тяжело глазами синими, словно самые глубокие воды. Тянет ее к себе, прижимая к крепкой груди, а после – отпускает столь же внезапно, продолжая их путь в абсолютной тишине. И знает Ренэйст, что объятие это говорит куда больше слов.

Когда приближаются они к воротам, большая часть охваченных волнительным трепетом юношей уже ожидает, когда настанет их испытание. Храблятся друг перед другом, словно молодые волчата, впервые следующие за отцом на охоту, и ни один не желает думать о возможной гибели. Тролли – опасные твари, и встреча с ними редко проходит бесследно. Только вот сейчас луннорожденные юны и полны сил, и мертвые боги глядят на них глазами пустыми, готовые узреть миг их триумфа. Не это ли предел мечтаний маль-

чишки, не так давно встретившего шестнадцатую зиму?

Ренэйст смотрит на них с опаской. Внимание ее привлекает Ньял; громко смеясь и рьяно жестикулируя, с гордостью вещает о том, с какой легкостью справились пятеро братьев его с испытанием. Разве есть у ярла Звездного Холма повод допустить мысль, словно бы младший из его сыновей не вынесет эту ношу? Нет, гордый и решительный Ньял не позволит себе принести роду Лося подобный позор! Уж лучше погибнет, сражаясь со столь опасным противником, но не опозорит доброе имя своей семьи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.